

МЫ БЫЛИ ПАРОЙ ТОЛЬКО НА БАЛИ

ЭДДИ СЛОАН

Эдди Слоан

Мы были парой только на Бали

<https://litres.ru/74332592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сиенна не искала отношения, которые придётся расшифровывать.

Поэтому Эллиот казался почти подозрительно нормальным: внимательный, спокойный, без игр и исчезновений. Три месяца свиданий превращаются в две недели на Бали, где всё вдруг становится удивительно простым. Общие завтраки. Дождь за окном. Ужасные блины. Его рука в её руке на обратном рейсе.

На Бали они совершенно точно выглядят как пара.

Проблема начинается дома.

Эллиот по-прежнему рядом. Он пишет. Приходит. Знакомит Сиенну с друзьями. Говорит, что она ему важна.

Только на один простой вопрос у него почему-то нет ответа:

«Я твоя девушка?»

«Мы были парой только на Бали» — ироничный роман о современной любви, almost relationships и той неприятной правде, что хорошее не обязательно становится навсегда.

Иногда никто не изменяет, не врёт и не оказывается злодеем.

Иногда всё было по-настоящему.

Просто тебя так и не выбрали.

Содержание

Глава 1. Подозрительно нормальный	4
Глава 2. Это уже похоже на план	30
Глава 3. Мы правда летим	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эдди Слоан

Мы были парой только на Бали

Глава 1. Подозрительно нормальный

У Сиенны было личное правило.

Не доверять мужчине, который говорит:

«Я вообще не люблю всё усложнять».

Мужчины, которые «не любят всё усложнять», почему-то способны выбрать ресторан за тридцать секунд, но на вопрос, хотят ли они отношений, им требуется от трёх до пяти рабочих дней.

Сиенна проверяла эту теорию столько раз, что уже могла читать об этом лекции.

Или хотя бы отправлять в общий чат голосовые минут на сорок.

У Авы, её лучшей подруги, была собственная система.

— Если мужчина говорит, что он простой и вообще не заморачивается, задай ему один вопрос, — объявила она как-то в пятницу за коктейлями.

— Какой?

— У тебя есть подкаст?

Сиенна моргнула.

— Что?

— Я серьёзно.

— Причём тут подкаст?

— Ни при чём.

Ава пожала плечами.

— Просто у каждого эмоционально непонятного мужчины в Лос-Анджелесе либо уже есть подкаст, либо он собирается его запустить.

Сиенна рассмеялась так сильно, что чуть не уронила кукурузный чипс в бокал.

Знакомства в Лос-Анджелесе вообще стали пугающе конкретными.

Никто больше не задавал нормальных вопросов.

Он добрый?

Он умеет разговаривать?

Способен признать, что был неправ, и не умереть от этого?

Нет.

Теперь спрашивали другое.

Исчезает ли он на три дня после прекрасного свидания?

Называет ли себя цифровым кочевником, хотя восемь месяцев не выезжал из Калифорнии?

Есть ли у него туристические ботинки, в которых он ни

разу не ходил в поход?

Стоит ли его кофемашина дороже твоей первой машины?

И, по версии Авы:

Есть ли у него подкаст?

А потом Сиенна встретила Эллиота.

Он не сказал, что «не любит всё усложнять».

Не упомянул, что сейчас «работает над собой».

Не создавал приложение.

Не «искал своё предназначение».

На первое свидание он пришёл ровно на три минуты раньше.

Не на полчаса, как мужчина, который очень хочет показать, насколько он пунктуален.

Не на двенадцать минут позже с сообщением:

«Парковка просто ад».

Ровно на три.

Достаточно, чтобы успеть купить ей кофе.

И недостаточно, чтобы это выглядело старанием.

Когда Сиенна вошла в кафе, он уже сидел за столиком и улыбался.

Это должно было успокоить.

Вместо этого стало подозрительно.

Опыт научил Сиенну одной неприятной вещи.

Мужчины, похожие на катастрофу, обычно предупреждали о себе заранее.

Опаснее были те, кто выглядел как спокойствие.

Когда она подошла, Эллиот встал.

По-настоящему.

Не приподнялся на два сантиметра над стулом в том странном современном жесте, когда мужчина вроде бы хочет показать, что заметил женщину, но тут же передумывает.

Просто встал.

— Привет. Сиенна?

— Да.

— Эллиот.

— Я догадалась.

— Хорошая догадка.

— На первых свиданиях я стараюсь ничего не додумывать.

Его улыбка стала шире.

— Неудачный опыт?

— Только с мужчинами, квартирами и корейскими тканевыми масками.

— Подозрительно конкретный список.

— Сыпь тоже была очень конкретная.

Он засмеялся.

Обычным смехом.

Не слишком громким. Не показным. Без попытки продемонстрировать, какой он понимающий и тонкий мужчина.

Сиенна терпеть не могла, насколько ей это понравилось.

Он подвинул к ней стакан.

— Холодный латте на овсяном. Двойной. Без ванили.

Она посмотрела на кофе.

Потом на него.

— Я тебе это говорила?

— Когда мы выбирали место.

— Один раз.

— У меня есть уши.

— Смело.

— Знаю. Я старомоден.

Сиенна села.

Кафе было набито людьми, которые старательно делали вид, что никого не рассматривают, одновременно рассматривая абсолютно всех.

Женщина в спортивной одежде яростно печатала что-то на ноутбуке. Двое мужчин в бейсболках обсуждали «креативный капитал» с лицами нейрохирургов. Кто-то у окна снимал круассан.

Лос-Анджелес в естественной среде обитания.

Эллиот сел напротив.

Он был привлекательным самым неприятным образом.

Не модельно красивым.

С этим было бы проще.

Модельно красивые мужчины обычно приходили с хорошо заметными предупреждающими знаками.

Любят яхты.

Подписаны на слишком большое количество девушек по имени Лекси.

Имеют семь баночек ухода за кожей и ни одной нормальной простыни.

Эллиот был хуже.

Он выглядел добрым.

Мягкие каштановые волосы. Спокойные глаза. Такое лицо почему-то заставляло думать, что он помнит дни рождения и умеет починить дверцу кухонного шкафа.

Никаких доказательств насчёт шкафа у Сиенны не было.

Но её нервная система уже выбирала плитку для их общей кухни.

— Ава сказала, ты работаешь с соцсетями, — сказал он.

— Можно и так выразиться.

— А как ещё?

— Я профессионально убеждаю незнакомых людей, что у брендов есть характер.

— А он у них есть?

— Нет.

— Полезно знать.

— Иногда я ещё пишу тексты про внутреннее равновесие для компаний, где руководство совершенно точно орёт на стажёров.

— Звучит изматывающе на каком-то глубинном уровне.

— Ещё как. На прошлой неделе я написала: «Ваша нервная система заслуживает бережного отношения». Через пять минут директор прислал письмо с темой: «ПОЧЕМУ ЭТО ДО СИХ ПОР НЕ РАЗЛЕТЕЛОСЬ ПО ВСЕМУ ИНТЕРНЕ-

ТУ?»

Эллиот снова рассмеялся.

Вот и вторая проблема.

Он понимал её шутки.

Вообще-то мужчина не обязан понимать шутки, чтобы с ним можно было встречаться.

Но стоило ему начать понимать, и женщины совершали необдуманные эмоциональные поступки, после чего называли это химией.

— А ты чем занимаешься?

— Исследую, как люди пользуются цифровыми продуктами.

Сиенна подождала.

Эллиот улыбнулся.

— Обычно на этом месте люди делают вид, что поняли.

— Я давала тебе шанс объяснить это менее скучно.

— Справедливо.

— Получилось?

— Пока нет.

Он отпил кофе.

— В основном я спрашиваю людей, почему приложения их бесят.

— То есть ты работаешь в индустрии ярости.

— В целом да.

— Важная профессия.

— Кто-то же должен выяснить, почему люди хотят выбро-

свить телефон в океан.

— Я могу бесплатно ответить.

— Слушаю.

— Мужчины.

Он серьёзно кивнул.

— Внесу в отчёт.

Он ей нравился.

Это было крайне неудобно.

Сиенна собиралась быть осторожной.

Последние полгода осторожность вообще стала её главной чертой характера.

После того как Дилан закончил их двухлетние отношения словами «я просто не хочу тратить твоё время», предварительно два года с олимпийским упорством занимаясь именно этим, Сиенна дала себе обещание.

Больше никаких мужчин, которым женщина должна объяснять их собственные чувства.

Никаких курсов эмоциональной грамотности один на один.

Никаких разговоров с человеком, который смотрит на серьёзные отношения так, будто это редкая птица, однажды увиденная им в документальном фильме.

Всё.

Хватит.

И вот появился Эллиот, который запомнил её кофе и имел работу, о которой не стыдно рассказать родителям.

Ужасное начало.

— Откуда ты знаешь Аву? — спросила Сиенна.

— Её парень раньше снимал со мной квартиру.

— То есть ты уже прошёл проверку.

— Поверхностную.

— Насколько поверхностную?

— Она сказала, что я, скорее всего, не убийца.

— Это высшая форма её одобрения.

— Я был польщён.

— Что-нибудь ещё сказала?

— Да.

— Что?

— Что ты смешная, постоянно занята и страдаешь аллергией на мужчин, которые говорят: «Ничего серьёзного не ищу, но посмотрим, как всё сложится».

Сиенна застыла.

— Она так и сказала?

— Почти.

— Прямо этими словами?

— Нецензурных было больше.

— Отлично. А то я уже испугалась, что она смягчила мой образ.

Эллиот улыбнулся в стакан.

— Мне понравилась определённость.

— Определённость важна.

— Да.

Что-то в том, как спокойно он это произнёс, заставило Сиенну посмотреть на него внимательнее.

Никакой красивой подачи.

Просто фраза.

Определённость важна.

Женщины разрушали себе жизнь и из-за меньшего.

— Тогда что ты ищешь? — спросила она.

Он даже не дёрнулся.

Ещё один отсутствующий красный флаг.

— Мне нравится нормально узнавать человека. Без игр. Без угадываний. Если мне хорошо с кем-то, я продолжаю приходить.

Это было нечестно.

Практически эмоциональная порнография.

Сиенна прищурилась.

— Ты это репетировал.

— Нет.

— Именно так ответил бы человек, который репетировал.

— Верно.

— Видишь проблему?

— Вижу.

Он улыбнулся и не стал ничего доказывать.

Сиенна ждала момента, когда он всё испортит.

Такой момент всегда наступал.

Комментарий о том, что женщины сейчас «слишком требовательные».

Рассказ о «сумасшедшей бывшей».

Заявление, что он не верит в ярлыки, потому что любовь должна быть свободной.

Ничего.

Эллиот спрашивал о работе.

О любимых местах в городе.

О том, каким человеком Сиенна становится в аэропорту.

Последнее прозвучало как ловушка.

— Опасным.

— Насколько?

— Покупаю журналы, которые не читаю. Еду, которую не хочу. Однажды купила дорожную подушку в форме креветки.

— Зачем?

— Аэропортовая логика.

— Она помогла?

— Нет. Но я чувствовала поддержку со стороны морепродуктов.

Эллиот засмеялся так громко, что женщина у окна оторвалась от съёмки круассана.

В груди Сиенны распустилась маленькая идиотская ленточка счастья.

Нет.

Обратно.

Ленточка не послушалась.

Она уже строила планы и явно не собиралась согласовыв-

вать бюджет.

Свидание длилось полтора часа.

На полчаса дольше обычного лимита Сиенны.

И на час двадцать девять минут дольше свидания с мужчиной, который однажды спросил, не думала ли она попробовать интервальное голодание как способ улучшить характер.

У машины Эллиот не попытался её поцеловать.

Не сделал момент неловким.

Не завис у её губ растерянным мотыльком.

Просто сказал:

— Я хочу увидеть тебя снова.

Прямо.

Понятно.

Сиенна неожиданно захотела проверить у него температуру.

— Я тоже.

— В субботу?

— Ты сейчас назвал конкретный день?

— Могу ответить более расплывчато, если тебе так спокойнее.

— Не надо. Я восстанавливаюсь.

— Тогда суббота.

— Суббота.

Он улыбнулся и отступил.

Оставил ей пространство.

Позволил моменту закончиться без попытки выжать из него что-то ещё.

Сиенна села в машину совершенно спокойной.

Это её насторожило.

Спокойствие не относилось к обычным последствиям её свиданий.

Обычно потом она звонила Аве и устраивала полноценную экспертизу каждого движения бровей, выбранного напитка и подозрительно долгой паузы.

Сегодня она просто сидела, положив руки на руль.

Телефон завибрировал, прежде чем она успела завести машину.

Эллиот:

«Я забыл спросить. Что стало с подушкой-креветкой?»

Сиенна уставилась на экран.

А потом засмеялась одна в машине, как женщина на первых пяти минутах ошибки, которую ещё вполне можно было предотвратить.

Она написала Аве.

Сиенна:

«Он спросил про креветку».

Ава ответила мгновенно, потому что на словах «берегла внутренний покой», а на сообщения отвечала со скоростью диспетчера экстренной службы.

Ава:

«Либо это очень мило, либо надо звонить в полицию».

Сиенна:

«Он нормальный».

Ава:

«Нет».

Сиенна:

«Вот именно».

Ава:

«Что с ним не так?»

Сиенна посмотрела через лобовое стекло.

Эллиот всё ещё стоял у кафе и пытался выбросить стакан в урну.

Промахнулся.

Поднял.

Попробовал снова.

Опять промахнулся.

После чего оглянулся, проверяя, не видел ли кто-нибудь.

Сиенна пригнулась.

Поздно.

Он заметил её и с глубочайшим разочарованием указал на урну, словно та только что нарушила многолетнее соглашение между ними.

Телефон снова завибрировал.

Эллиот:

«Пожалуйста, забудь, что это было».

Сиенна:

«Что было?»

Эллиот:

«Спасибо».

Ава:

«Ты там жива?»

Сиенна:

«К сожалению, кажется, он мне нравится».

Ава:

«Вызываю спасателей».

Сиенне следовало поехать домой.

Вместо этого она ещё пять минут сидела на парковке и перечитывала его сообщения так, будто где-то внизу мелким шрифтом были прописаны скрытые условия.

Их не было.

Это были просто сообщения.

Нормальные.

Милые.

Человеческие.

А значит, её мозгу оставалось достаточно пространства, чтобы всё усложнить самостоятельно.

К тому моменту, когда Сиенна добралась домой, она уже решила, что не будет делать из Эллиота событие.

Не станет превращать одно удачное свидание в сюжетную арку.

Не расскажет трём людям и не начнёт представлять, как он выглядит с пакетами из супермаркета.

Она будет спокойной.

Взрослой.

Эмоционально увлажнённой.

А потом переименовала Эллиота в контактах в «Эллиот. Кофе».

Чисто для удобства.

Разумеется.

Суббота наступила с невыносимой уверенностью дня, который знает слишком много.

Эллиот отвёл её в крошечный тайский ресторан в Силвер-Лейке с пластиковыми стульями, отличной лапшой и меню, которое явно пережило тяжёлые времена.

— Любишь острое? — спросил он.

— Мне нравится представлять себя женщиной, которая любит острое.

— Честно.

— В теории я очень смелая.

Он заказал ей неострое и каким-то образом не заставил почувствовать себя ребёнком.

Это раздражало.

Сиенна годами вырабатывала иммунитет к привлекательным мужчинам и совсем не была готова к тому, что один из них начнёт вести себя правильно.

За ужином Эллиот рассказал, что успел пожить в Лондоне, Мельбурне, а теперь оказался в Лос-Анджелесе.

— Много переездов.

— Мне нравятся разные места по разным причинам.

— Подозрительная фраза.

— Почему?

— Потому что мужчины, которым везде хорошо, редко где-нибудь остаются.

Он посмотрел на неё.

На секунду юмор между ними стал тише.

— Может быть, — сказал Эллиот.

Это должно было насторожить.

Вместо этого ей стало интересно.

Женщины пережили войны, эпидемии и групповые университетские проекты, но по-прежнему оставались совершенно незащитны перед мужчиной, который однажды проносит одно слегка раненое слово над тарелкой лапши.

После ужина они пошли гулять, потому что никто из них не хотел заканчивать свидание, но оба делали вид, что просто решили немного пройтись после еды.

Эллиот сказал, что любит Лос-Анджелес ночью, когда город перестаёт так стараться.

Сиенна ответила, что Лос-Анджелес никогда не перестаёт стараться.

Он просто переодевается.

Эллиот засмеялся.

Ей снова понравилось.

Раздражает.

У машины он всё-таки её поцеловал.

Без дождя.

Без стены.

Без ощущения, что они случайно оказались внутри рекламы парфюма.

Просто тепло и уверенно.

Достаточно, чтобы Сиенна замолчала.

И недостаточно, чтобы не захотелось продолжения.

Когда он отстранился, то улыбнулся.

— Всё ещё восстанавливаешься?

— Уже меньше.

— Хорошо.

Катастрофа.

К концу третьей недели Эллиот перестал быть интересным мужчиной, с которым Сиенна ходила на свидания.

Он стал человеком из её обычной жизни.

Это было гораздо опаснее.

Интересные мужчины появлялись и исчезали.

Обычные мужчины попадали в календарь.

У него появилась зубная щётка в её ванной.

Не после торжественного обсуждения границ и не как заявление о серьёзности намерений.

Он просто дважды остался ночевать и сказал:

— Я оставлю её здесь, если ты не против.

Конечно, она была не против.

Настолько не против, что потом одиннадцать минут переставляла стакан возле раковины, чтобы его зубная щётка выглядела случайно.

Обычная зубная щётка.

Не подозревающая, сколько на неё возложено.

Они виделись дважды в неделю.

Иногда трижды.

Потом недели начали складываться в месяцы.

Вторники с ужином.

Воскресный кофе.

Сообщения без повода.

Фотографии странных собак.

Его «ты уже ела?» в дни, когда работа превращала Сиенну в раздражённый офисный призрак.

Её «ключи у тебя в руке» каждый раз, когда Эллиот начал искать ключи, которые держал в руке.

Он запомнил, что она терпеть не может кинзу и любит лайм.

Она знала, что по утрам он сначала пьёт воду, а уже потом кофе, что казалось ей почти вызывающей демонстрацией взрослости.

Однажды они заехали в супермаркет.

Молоко. Яйца. Паста. Бумажные полотенца.

Эллиот бросил в тележку две упаковки её любимых крекеров.

— Что? — спросил он, заметив её взгляд.

— Ничего.

— У тебя лицо «ничего, которое определённо что-то».

— Ты взял мои крекеры.

Он посмотрел на упаковки.

— Ты их ешь.

— Знаю.

— Поэтому я их взял.

— Вот так просто?

— А должно быть сложнее?

Нет.

Не должно.

В этом и была проблема.

Где-то между обычными ужинами, ночёвками и совместными покупками Сиенна перестала замечать, когда именно Эллиот стал частью её недели.

Он не исчезал.

Не устраивал качелей.

Не заставлял гадать, увидятся ли они снова.

Он просто появлялся.

Снова и снова.

И постепенно это стало убедительнее любых красивых слов.

Однажды вечером они лежали на его диване, каждый смотрел в свой телефон, и Сиенна спросила:

— Ты вообще собираешься долго жить в Лос-Анджелесе?

Вопрос прозвучал почти случайно.

Эллиот задумался.

— Не знаю.

Она повернула голову.

— Не знаешь?

— Мне здесь нравится.

— Это не ответ.

— Знаю.

Он улыбнулся.

— Я вообще плохо представляю, где буду через несколько лет.

Сиенна ждала неприятного ощущения.

Но его не было.

Наоборот.

Спонтанный.

Гибкий.

Не человек, который уже составил таблицу жизни до пенсии.

В этом даже было что-то привлекательное.

— То есть у тебя нет пятилетнего плана?

— Нет.

— Слава богу.

— Я тебя напугал?

— Наоборот. Если бы ты достал таблицу, мне пришлось бы уйти.

— Понятно.

— Я не доверяю мужчинам, которые знают, где будут через пять лет.

— А мужчинам с подкастами?

— Тем более.

Он засмеялся и притянул её ближе.

Сиенна услышала свободу.

И совершенно не услышала отсутствие плана.

В тот четверг рабочий день состоял из трёх срочных переписываний текстов для бренда пробиотиков и одного взрослого мужчины, который всерьёз спросил:

— А можно сделать пищеварение более вдохновляющим?

К вечеру Сиенна приехала к Эллиоту в состоянии женщины, готовой отказаться от человеческой формы и стать комнатным растением.

Он открыл дверь босиком, со лопаткой в руке.

— Тяжёлый день?

— Сегодня мне платили за словосочетание «элегантное пищеварение».

— Заходи.

— Боюсь, я уже никогда не оправлюсь.

— Я приготовил пасту.

Сиенна остановилась.

— Это предложение руки и сердца?

— Через пасту?

— Я живу в Лос-Анджелесе. Здесь это почти приданое.

Он улыбнулся и пропустил её внутрь.

Квартира у Эллиота была чистой, но не стерильной.

Книги на журнальном столике. Синяя керамическая миска возле ключей. Куртка на спинке стула.

Живые растения.

Причём действительно живые.

Сиенна сочла это высокомерием.

На кухне стояли две тарелки с пастой и маленькая тарелка чесночного хлеба.

Он купил чесночный хлеб.

Сиенна уставилась на него.

— Что? — спросил Эллиот.

— Ничего.

— У тебя очень эмоциональное лицо.

— Всё нормально.

— Ты смотришь так, будто хлеб тебе что-то сказал.

— Он знает, что сделал.

Эллиот засмеялся и, проходя мимо, легко коснулся её поясицы.

Едва заметный жест.

Мозг Сиенны немедленно зарегистрировал его в категории:

Доказательства.

После ужина они устроились на диване и включили передачу о путешествиях, которую никто из них толком не смотрел.

На экране женщина в льняном платье шла по вилле на Бали вдоль бассейна такого синего цвета, что он выглядел незаконно отредактированным.

Сиенна указала на телевизор.

— Неправда.

— Бали?

— Вот этот Бали.

— Ты была там?

— Нет. Но я подписана на трёх женщин, которые съездили туда на йогу и вернулись с чёлкой.

— Серьёзные последствия.

— Разрушительные.

— Я люблю Бали, — сказал Эллиот.

Сиенна повернулась к нему.

— Ты был?

— Несколько раз.

— Ну конечно.

— Что означает этот тон?

— Тон женщины, которая только что узнала, что у тебя есть островное прошлое.

— «Островное прошлое» звучит гораздо хуже, чем всё было на самом деле.

— Правда?

— Наверное, нет.

Он взял пульт и остановил кадр с пляжем на закате.

— Тебе бы там понравилось.

Сиенна посмотрела на экран.

Потом на него.

Самая обычная фраза.

Тебе бы там понравилось.

Всё.

Никакого обещания.

Никакого плана.

Но воображение Сиенны было маленьким амбициозным отделом компании, в котором давно отсутствовало взрослое руководство.

Там уже открыли двенадцать вкладок.

— Думаешь?

— Да.

— Почему?

— Ты любишь места, где люди начинают вести себя так, будто могут стать кем-то другим.

Сиенна моргнула.

— Раздражает, насколько точно.

— Я исследователь.

— Приложений. Не меня.

— Люди вообще довольно плохо спроектированные приложения.

Она засмеялась.

Эллиот снова посмотрел на экран.

— Может, нам как-нибудь съездить.

Комната не изменилась.

Диван.

Тарелки после пасты.

Замерший на экране пляж.

Чесночный хлеб.

Но что-то внутри Сиенны сдвинулось.

Совсем немного.

Достаточно.

— Как-нибудь? — переспросила она, стараясь звучать нормально и проваливая задачу на профессиональном уровне.

— Да. Почему нет?

Почему нет.

Фраза, ответственная примерно за половину человеческой истории и большинство неудачных стрижек.

Сиенна снова посмотрела на телевизор.

Женщина в белом льне стояла босиком возле бассейна и выглядела так спокойно, словно ни разу в жизни не получала рабочих сообщений после шести вечера.

— Хорошо, — сказала Сиенна.

— Хорошо?

— В смысле да. Как-нибудь.

Эллиот улыбнулся и поцеловал её в висок.

— Отлично.

В тот вечер Сиенна вернулась домой и не стала искать билеты на Бали.

Разумеется, не стала.

Она просто ввела в поиск:

Когда лучше ехать на Бали

Это совершенно другое.

Глава 2. Это уже похоже на план

Сиенна не искала билеты на Бали.

Она изучала климат.

Это совершенно разные вещи.

Человек вполне может из чистого любопытства открыть одиннадцать вкладок про сезон дождей, пляжи, влажность, визовые правила, обезьян, ворующих солнцезащитные очки, и про то, действительно ли льняные шорты идут обычным людям, а не только женщинам из рекламы.

И это совсем не значит, что у него проблемы.

Наверное.

К полуночи Сиенна знала о Бали три вещи.

Во-первых, там есть сезон дождей.

Во-вторых, обезьяны действительно воруют очки.

В-третьих, авторы туристических блогов подозрительно часто употребляют слова «поездка, которая изменила мою жизнь», особенно если сразу после этого предлагают перейти по ссылке и забронировать отель.

Сиенна закрыла ноутбук.

Через несколько секунд открыла снова.

Только чтобы проверить ещё одну вещь.

Перелёт.

Не потому, что собиралась куда-то лететь.

Просто полезно знать, сколько сейчас стоит оказаться на

другом конце света.

Самый дешёвый вариант включал две пересадки, одна из которых была достаточно длинной, чтобы успеть переосмыслить всю свою жизнь.

Нормальный перелёт стоил столько, что банковский счёт Сиенны мог бы потребовать адвоката.

Она снова закрыла ноутбук.

Потом взяла телефон.

Ава ответила после второго гудка.

— Кто-то умер?

— Нет.

— Тебе сделали предложение?

— Нет.

— Кто-то сообщил, что запускает подкаст?

— Хуже.

На том конце стало тихо.

— Господи.

— Эллиот сказал, что нам стоит как-нибудь съездить на Бали.

— Как-нибудь?

— Да.

— Когда?

— Он не сказал.

— Он сказал, что именно вместе?

— Он сказал «нам».

— Мужчины говорят «нам», когда предлагают поделить

начос.

— Не понимаю, за что ты так с начос.

— Я ничего не имею против начос. Я против неопределённых местоимений.

— Он имел в виду вместе.

— Билеты купил?

— Нет.

— Календарь открыл?

— Нет.

— Произнёс: «Сиенна, я хочу спланировать с тобой международную поездку на конкретные даты и обещаю ответственно пользоваться солнцезащитным кремом»?

Сиенна натянула одеяло повыше.

— Нет.

— Тогда пока у нас есть только фраза.

— Хорошая фраза.

— Хороших фраз много. На них потом и плачут в аэропортах.

— Я не собираюсь плакать в аэропорту.

— Пока.

— Ты ужасно меня поддерживаешь.

— Я прекрасно тебя поддерживаю. Просто ещё я поддерживаю факты.

Сиенна повернулась на бок.

За окном гудел город. Где-то внизу один раз взвыла автомобильная сигнализация и сразу передумала.

— Это прозвучало серьёзно, — сказала она.

Голос Авы сразу изменился.

В этом была вся Ава. Она могла десять минут издеваться над твоими жизненными решениями, а потом услышать едва заметную дрожь в голосе и уже мысленно выбирать лопату, если кто-то тебя обидит.

— Я не говорю, что это несерьёзно, — сказала она. — Я говорю: не строй виллу на слове «как-нибудь».

— Я знаю.

— Точно?

— Точно.

— Повтори.

— Я не буду строить виллу на слове «как-нибудь».

— Хорошо.

— Но если уж строить, то с бассейном.

— Сиенна.

— Я шучу.

— Ты сейчас смотришь виллы.

— Нет.

— Ты слишком долго молчала.

— Связь пропала.

— Ты даже врать нормально не умеешь.

Сиенна рассмеялась.

Они попрощались, и она положила телефон экраном вниз на тумбочку с видом женщины, выбравшей душевный покой.

Через три минуты телефон завибрировал.

Эллиот:

«Я понял, что сказал “как-нибудь”. Ужасное слово. Что ты делаешь через три недели?»

Сиенна села.

Прочитала сообщение ещё раз.

Потом ещё.

Через три недели.

Не когда-нибудь.

Не «может, однажды».

Через три недели.

Она написала:

«Зависит от обстоятельств. Меня похищает мужчина с подозрительным островным прошлым?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Только с твоего согласия и после утверждения маршрута».

Это был хороший ответ.

Очень хороший.

Сиенна написала:

«Присылай маршрут на юридическую экспертизу».

Через десять минут он прислал ссылку.

Рейсы.

Настоящие.

Лос-Анджелес — Денпасар.

Две недели.

Сиенна так резко выпрямилась, что подушка свалилась с кровати.

Вот так и начинаются проблемы.

Не обязательно потому, что мужчина врёт.

Иногда он делает ровно столько, чтобы надежда перестала выглядеть глупостью.

На следующее утро Сиенна решила вести себя нормально.

Она была взрослой женщиной. Платила аренду. Работала. Уже четыре месяца откладывала запись к стоматологу с дисциплиной профессиональной спортсменки.

Мужчина, с которым она встречалась три месяца, предложил улететь с ним на Бали на две недели.

Она вполне могла пережить эту информацию как взрослый человек.

В девять четыре она открыла ссылку на рейсы.

В девять семнадцать проверила календарь.

В девять тридцать одну ввела в поиск:

«что взять на Бали и не выглядеть человеком, который слишком старался»

В девять сорок шесть Сиенна закрыла все вкладки, потому что за её спиной возник Трент.

Появляться бесшумно рядом с чужим монитором было одной из его управленческих компетенций.

— Как продвигается новая кампания?

— Прекрасно.

Это было не совсем правдой.

Перед Сиенной лежал документ, в котором пока было только название продукта и мигающий курсор.

Трент поставил ладони на перегородку между столами.

— Я хочу, чтобы на этот раз ты вела концепцию сама.

Сиенна перестала думать о Бали примерно на две секунды.

— Сама?

— Почти. Я буду рядом.

Это немного испортило момент.

— Очень успокаивает.

— Хорошо. Значит, задача такая. Дорожная линия ухода. Маленькие форматы, отпуск, командировки, жизнь в движении. Нам нужно что-то не про косметичку, а про женщину.

— Про женщину.

— Да. Про ощущение, что ты остаёшься собой, где бы ни была.

Сиенна посмотрела на него.

Потом на пустой документ.

Потом на вкладку, которую совершенно точно не открывала снова.

На экране женщина в белом платье шла по балийскому пляжу с лицом человека, который ни разу в жизни не слышал слов «нам нужен финальный вариант к вечеру».

— Понятно, — сказала Сиенна.

— Нужна большая идея. Не просто текст.

— Никакого давления.

— Именно.

Он улыбнулся и ушёл.

Сиенна посмотрела на мигающий курсор.

«Оставайся собой, где бы ни была».

Нет.

Слишком похоже на надпись на дешёвой кружке.

Она стёрла.

«Возьми себя с собой».

Ещё хуже.

Звучало так, будто человек мог случайно забыть себя дома рядом с зарядкой.

Сиенна снова стёрла.

В двенадцать восемь пришло сообщение от Эллиота.

«Ну что. Бали?»

Сиенна сидела над салатом, который явно уже отказался от надежды на лучшую жизнь.

Зрелая женщина ответила бы спокойно.

Например:

«Звучит интересно. Давай обсудим детали».

Женщина с чёткими личными границами, возможно, сначала уточнила бы бюджет.

Сиенна написала:

«Я слушаю».

Эллиот:

«Я могу взять первые две недели следующего месяца. В Кангу есть место, которое мне нравится. Тихо ночью, рядом

полно еды. Есть бассейн, потому что я всё-таки не чудовище».

Сиенна перечитала сообщение.

Первые две недели следующего месяца.

Конкретные даты.

Конкретное место.

Конкретный мужчина, который, оказывается, умел превращать «как-нибудь» в настоящий план.

Она написала:

«Ты меня приглашаешь или читаешь прогноз погоды?»

Эллиот:

«Приглашаю».

Она положила телефон экраном вниз.

Потом перевернула.

Рядом остановилось кресло Майи.

— Ты в порядке? — спросила она. — У тебя лицо человека, которому телефон только что сделал предложение.

— Предложения не было.

— Но что-то произошло?

— Бали.

Майя замерла.

— Бали — Бали?

— Нет, Бали возле торгового центра.

— С Эллиотом?

— Возможно.

— Возможно?

— Он меня пригласил.

— На Бали?

— Да.

— На сколько?

— Две недели.

Майя медленно откинулась в кресле.

— Это уже не просто свидания.

Сиенна постаралась не позволить этой фразе немедленно попасть в кровоток.

— Я не уверена.

— Вы видите несколько раз в неделю?

— Да.

— Ночуете друг у друга?

— Иногда.

— Он строит планы заранее?

— Да.

Майя указала на телефон.

— А теперь зовёт тебя через океан на две недели.

— Именно эту часть я пытаюсь не анализировать.

— Сиенна, у события две пересадки.

Она рассмеялась.

— Я пытаюсь не делать из этого что-то большое.

— Оно уже большое. Оно международное.

— Люди ездят в отпуск.

— Конечно.

— Вместе.

— Конечно.

— И это не обязательно означает...

Майя подняла ладонь.

— Я ничего не говорю.

— Ты очень громко ничего не говоришь.

— Я просто хочу знать одно. Ты полетишь?

Сиенна посмотрела на сообщение Эллиота.

«Приглашаю».

Одно слово.

Без игр.

Без угадываний.

— Да, — сказала она.

И только после этого поняла, что решение уже было принято.

К пятнице билеты были куплены.

Вилла забронирована.

Сиенна стала обладательницей льняных брюк, что само по себе было ошибкой, потому что льняные брюки заставляли человека поверить, будто ещё один штамп в паспорте, и он наконец станет спокойным.

Кроме того, она купила купальник, стоимость которого не могла защитить ни одним разумным аргументом.

А потом открыла истории для близких друзей и набрала: «Кажется, скоро будет что объявить».

Посмотрела на экран.

Удалила.

Нет.

Пока ничего объявлять было не надо.

Когда пришли подтверждения бронирований, Эллиот переслал их с сообщением:

«Смотри, какие мы организованные».

Сиенна уставилась на экран.

Мы.

Совершенно обычное слово.

Но сейчас оно почему-то выглядело чуть крупнее остальных.

Она сохранила маршрут в папку «Бали».

Переименовала в «Поездка».

Посмотрела.

Вернула «Бали».

«Поездка» звучала как папка, в которой рядом должны храниться счета за электричество.

Вечером Эллиот приехал с тайской едой и вином.

— Волнуешься? — спросил он.

— Нет.

Он посмотрел на раскрытый чемодан на полу спальни.

В нём лежали три платья, два купальника, дорожный отпариватель и шляпа.

— Ты уже собрала вещи.

— Я проверяю концепцию чемодана.

— За три недели до поездки?

— Не вмешивайся в процесс.

Эллиот поднял с пола пару сандалий.

— Эти едут?

— Проходят отбор.

— Они в курсе?

— На них огромное давление.

Он с серьёзным видом поставил сандалии обратно.

Потом похлопал себя по карманам.

Замер.

Ещё раз похлопал.

— Что? — спросила Сиенна.

— Не могу найти ключи.

— Ты держишь их в руке.

Эллиот посмотрел на левую ладонь.

Ключи были там.

— Отлично, — сказал он. — Нашёл.

— Очень мужественно.

— Я стараюсь сохранять спокойствие в кризисных ситуациях.

Сиенна улыбнулась.

Ей нравилось, что человек, способный организовать поездку на другой конец света, мог одновременно потерять предмет, не выпуская его из руки.

Это немного восстанавливало равновесие во Вселенной.

Она смотрела, как Эллиот ходит по её кухне.

Открывает контейнеры.

Находит вилки.

Ставит еду на стол.

Так свободно, словно не провёл последние три месяца, постепенно превращаясь в человека, появления которого она ждала.

Вот это и пугало.

Не то, что что-то было не так.

А то, что всё было слишком легко.

Он помнил её кофе.

Приезжал тогда, когда обещал.

Сам предложил поездку.

Назвал даты.

Прислал настоящие билеты.

Что ей прикажете с этим делать?

Не надеяться?

Они ели на диване, потому что обеденный стол Сиенны был занят чистым бельём и одной нераспечатанной посылкой, заказанной, скорее всего, в эмоционально нестабильный вечер.

Эллиот плохо управлялся с палочками.

— Ты воюешь с лапшой?

— Она скользкая.

— Она лапша.

— Она ведёт себя подозрительно.

— Ты жил в Лондоне. Наверняка сталкивался с едой.

Он направил на неё палочку.

— Я прекрасно обращаюсь с вилок.

— Надо было написать это в анкете для знакомств.

— У меня больше нет анкеты.

Сиенна перестала жевать.

— Что?

— Я больше не пользуюсь приложениями.

— С каких пор?

— Уже давно.

— «Давно» — это сколько?

Эллиот задумался.

— После нашего второго свидания удалил.

Желудок Сиенны совершил что-то совершенно неприличное.

Она сосредоточилась на лапше.

— Самоуверенно.

— Правда?

— Да.

— Ты мне понравилась.

Сиенна подняла глаза.

— После двух свиданий?

— После двух.

— Почему?

— Ты смешная.

— И всё?

— Честная.

— Так говорят, когда не хотят сказать «красивая».

— Ты ещё и красивая.

— Спасибо за запоздалую прозрачность.

— Пожалуйста.

Он улыбнулся.

Сиенна сделала глоток вина.

Ей не нужно было спрашивать, сидит ли он вечерами в приложениях и ищет кого-то ещё.

Она даже не успела начать об этом беспокоиться.

Эллиот просто удалил их.

После второго свидания.

И не счёл это поступком, о котором нужно торжественно объявлять.

Позже он начал складывать пустые контейнеры.

— Оставь, — сказала Сиенна. — Я завтра уберу.

— Давай сейчас. Завтра нам не придётся этим заниматься.

Нам.

Снова.

Сиенна взяла полотенце и встала рядом.

Эллиот мыл, она вытирала.

Такое совершенно обычное занятие не должно было казаться интимнее ужина.

Но почему-то казалось.

— Ты нервничаешь? — спросил он.

— Из-за Бали?

— Да.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Сиенна.

— Немного.

— Из-за перелёта?

— Не только.

Он выключил воду.

Сиенна повертела вилку в полотенце.

— Первая совместная поездка всегда проверка.

— Чего?

— Всего.

— Очень конкретно.

— Кто-то выясняет, что партнёр превращается в диктатора сразу после паспортного контроля. Кто-то впервые видит человека голодным в очереди. Кто-то обнаруживает, что мужчина встаёт в шесть утра и считает это нормальным отпусным поведением.

— Я встаю рано.

— Пока у нас есть время всё отменить.

Эллиот улыбнулся.

— В аэропорту я вообще прекрасен.

— В каком смысле?

— У меня всегда есть еда.

Сиенна посмотрела на него.

— Не говори таких вещей.

— Почему?

— Это неожиданно привлекательно.

— Я постараюсь пользоваться этой властью ответственно.

Она прислонилась к столешнице.

— Просто отпуск иногда делает с людьми странные вещи.

— Какие?

Сиенна пожала плечами.

— Всё кажется ярче. Романтичнее. Как будто обычной жизни вообще нет.

Эллиот посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Может, в этом и смысл отпуска.

— В чём?

— На время забыть об обычной жизни.

Сиенна покрутила полотенце в руках.

— Звучит опасно.

— Звучит как отпуск.

Она улыбнулась.

В тот момент ей не хотелось спорить.

Эллиот стоял на её кухне с мокрыми руками. В сушилке лежали две вымытые тарелки. На полу спальни ждал наполовину собранный чемодан. В почте лежали два билета до Бали.

Всё было слишком конкретным, чтобы бояться одной фразы.

— Думаешь, мы не убьём друг друга за две недели? — спросила она.

— Думаю, у нас хорошие шансы.

— Очень романтично.

— Хочешь проценты?

— Нет.

— Тогда скажу проще. Всё будет хорошо.

Сиенна улыбнулась.

— Хорошо.

Три месяца назад у неё был кофе с почти незнакомым мужчиной.

Теперь у них были два билета до Бали.

Через три недели они летели через океан вместе.

Если это не было планом, Сиенна не знала, что тогда вообще считать планом.

Глава 3. Мы правда летим

Сиенна закончила собирать чемодан за три дня до поездки.

Потом разобрала его.

Собрала снова.

Решила, что взяла слишком много, вытащила половину вещей, испугалась, что теперь взяла слишком мало, и вернула почти всё обратно.

В какой-то момент она обнаружила, что купила ещё нижнего белья, хотя именно нижнее бельё никогда не было проблемой ни в одном отпуске в истории человечества.

— Кажется, я переборщила, — объявила она.

Ава посмотрела на чемодан.

— У тебя один чемодан.

— Знаю.

— На две недели.

— Знаю.

— Тогда с чем именно ты переборщила?

— У меня три купальника.

— Ты едешь на остров.

— И запасные серьги.

Ава медленно повернула голову.

— Запасные что?

— Серебряные.

— На случай чего?

Сиенна задумалась.

— Эмоциональной чрезвычайной ситуации.

Ава помолчала.

— Ненавижу тот факт, что я прекрасно понимаю, о чём ты.

Сиенна застегнула чемодан.

Посмотрела на него.

Открыла снова.

— Солнцезащитный крем.

— Его продают на Бали.

— А если там дорого?

— А если ты каким-то образом переживёшь эту трагедию?

Сиенна положила крем.

Потом средство от комаров.

Вытащила его.

Вернула обратно.

К моменту, когда позвонил Эллиот, один и тот же чемодан был собран четыре раза.

Он вошёл с двумя стаканами кофе.

— Тебе.

Сиенна взяла свой.

— Ты принёс кофе?

— У тебя лицо человека, который проиграл спор с багажом.

— Проиграл.

— Вижу.

Он оглядел комнату.

Три пары сандалий стояли возле кровати в аккуратный ряд, словно участницы конкурса перед выбыванием.

— Что здесь произошло?

— Я начала принимать решения.

— И?

— Решения оказали сопротивление.

Эллиот рассмеялся.

— Помочь?

— Нет.

— Очень быстрый ответ.

— Потому что я знаю, что мужчины называют сборами.

— И что же?

— Положить одежду в чемодан.

Эллиот подождал.

— Да?

— А вещи, которые точно берёшь?

— В чемодан.

— Вещи, которые, возможно, берёшь?

— Тоже в чемодан?

— А отдельная стопка на случай, если на Бали я внезапно стану женщиной, которая каждый день носит белый лён?

Он выглядел искренне озадаченным.

— У меня никогда не было чемодана для альтернативной

личности.

— Именно.

Эллиот отпил кофе.

— Я собрался за двенадцать минут.

Сиенна уставилась на него.

— За сколько?

— Двенадцать.

— Ты издеваешься?

— У меня список.

— Постоянный список для поездок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.